

Жара постепенно вступала в свои права, и Ли Сы вместе с госпожой Яо засобирались в родную деревню. Ничто не могло умерить их пыл — так им хотелось поскорее открыть свою лавку. На месте они сразу припрягли Дабао и Эрбао помогать с разгрузкой и перетаскиванием коробок. С тех пор как Гоудань выбился в люди, он хоть и не снабжал родню деньгами напрямую, но помог толковым и работающим двоюродным братьям устроиться на крупный завод под самым посёлком Сяньгоу. Была работа — был и верный кусок хлеба, так что теперь никто из них не бедствовал.

В детстве, глупые да подстрекаемые родителями, они держались от семьи Ли Сы подальше. Но повзрослев и смекнув, какого успеха добился двоюродный брат, принялись всячески задобрить дядюшку. Гоудань с Ван Сюанем круглый год пропадали в разъездах, и то, что Ли Сы теперь было на кого опереться в деревне, Гоуданя только радовало. Родная кровь как-никак. Он даже велел управляющим на фабрике присмотреться к ребятам: если те окажутся работающими и честными, то можно брать без лишних разговоров.

Поняв настрой Гоуданя, семья Ли мигом переменяла отношение к Ли Сы. Теперь в деревне старику жилось на редкость вольготно и спокойно.

Тем временем интернет-технологии вошли в полосу стремительного взлёта. Люди мало-помалу приглядывались к новому чуду техники и всё яснее понимали: без него никуда. В школах крупных городов один за другим открывались компьютерные классы, а на предприятиях знание ПК стало обязательным требованием при приёме на работу.

Уличные столбы ломились от рекламы: едва ли не половина всех листков зазывала на компьютерные курсы. Начинали, конечно, с самого простого — учили быстро колотить по клавишам. Людям приходилось осваивать новое на лету; время, не спрашивая согласия, властно тащило их в будущее.

Суждение о том, что человек нового века обязан говорить по-английски, водить машину и ладить с компьютером, отдавало крайностью, но доля правды в нём определённо была.

Компания «Вэйлай Кэцзи», основанная Гоуданем, вовремя поймала попутную волну. Дела шли в гору, бизнес расширялся стремительно. Руководство фирмы вместе с самим хозяином наконец смогли вздохнуть с облегчением. Прежде они лишь без конца вливали деньги в бездонную бочку, не зная, когда покажется дно, а теперь, пусть и без баснословных барышей, предприятие по крайней мере вышло на самоокупаемость.

Это была победа, показавшая Гоуданю свет в конце тоннеля. Закон рынка прост: если новинка принимается обществом, если люди готовы тратить силы на её освоение, а само дело перестаёт пожирать ресурсы впустую — значит, расцвет не за горами. И к этому расцвету нужно было подготовиться во всеоружии.

Лето две тысячи третьего года выдалось немилосердным. Зной стоял такой, что сквозь оконные стёкла было видно, как плавится и дрожит марево над раскалённым асфальтом. Но именно в эти знойные дни должны были родиться их дети.

Ван Сюань от изнуряющей тревоги лишился сна. Он не смыкал глаз ночами напролёт и за считанные дни заметно осунулся.

Гоудань силой заставил его остаться дома и отвлечься от работы, а сам в бешеном темпе принялся разгребать скопившиеся дела.

Два дня спустя они взяли в охапку Бэйшэна и вылетели в США. Лететь пришлось всем вместе: поездка предстояла долгая, и оставлять ребёнка дома наедине с няней у них просто не поднялась рука.

Все трое малышей родились один за другим в течение пяти дней. Крохи казались такими хрупкими, что новоиспечённые отцы в панике замирали от каждого их вздоха. Всякий раз, когда подходил срок, Гоудань и Ван Сюань натягивали стерильные медицинские халаты и караулили у дверей операционной, пока медсестра не выносила младенца. Стоило им мельком взглянуть на новорождённого, как того тут же забирала бригада патронажных врачей.

Когда на свет появился первый мальчик, Ван Сюань и Гоудань уставились на тугой конверт с младенцем, у которого мокрый пушок ещё прилип ко лбу, и оба в ужасе попятились — испугались взять на руки. Малыш был совсем крохотным, его головка едва равнялась с кулаком Гоуданя. Весь сморщенный, с плотно зажмуренными глазками, он едва заметно шевелил тонкими пальцами, и от этого зрелища у молодых отцов по спине бежали мурашки.

Самым крошечным существом, которого они до сих пор видели, был Бэйшэн, да и того им показали лишь на десятый день. И пусть оба умом понимали, что новорождённые редко напоминают ангелочков, реальность всё равно застала их врасплох: ребёнок показался им поразительно некрасивым.

Впрочем, педиатр заверил, что мальчик абсолютно здоров и в кювез его класть не нужно. Для верности новорождённого всё же оставили в палате на три дня.

На исходе третьих суток, когда врачи подтвердили, что показатели в норме, младенца передали нанятым няням. За эти дни медсёстры успели хорошенько отмыть кроху, его склеенные волосики распушились, а кожа наконец разгладилась и посветлела. Малыш налился здоровым цветом и перестал походить на тот сморщенный красный помидор, каким предстал перед ними в первые минуты.

Гоудань облегчённо перевёл дух, но прижать к себе сына всё ещё не решался. Он лишь стоял за спиной Ван Сюаня, пока тот бережно, едва дыша, укачивал их первенца, и заглядывал через чужое плечо, словно готовый в любой момент подхватить их обоих.

— А ведь мальчишка — вылитый ты, Гоудань. Глянь на форму головы, тут уж никаких сомнений, копия твоя.

Гоудань невольно потрогал собственный затылок. Это сейчас, во взрослом возрасте, его голова округлилась и приняла приличный вид, а в детстве он ходил форменным «молотком» — скошенный затылок, крутой лоб, глубоко посаженные глаза и узкие одиночные веки.

— Зато как вырастет, любая солидная стрижка будет к лицу, хоть под бизнесмена, хоть под джентльмена, — неуверенно пробормотал Гоудань. В анкете донора значилось, что биологическая мать весьма недурна собой — её внешности присвоили высокий балл «В+», но этот упрямый сорванец умудрился целиком пойти в своего неказистого отца.

— Да у него, погляди, веки со складочкой! Вырастет чернобровым красавцем с распахнутым взглядом.

Гоудань лишь неопределённо хмыкнул. Ему было не до складок на веках, он вообще толком не разглядел глаза младенца.

Ван Сюань бережно прижал конверт к груди.

— Лишь бы рос здоровым, большего мне и не надо. Ладно, зови девчонок, забираем нашего первенца домой.

Малыша перепоручили няне, отцы сели по обе стороны от неё, и машина бесшумно покатила к вилле.

Ван Сюань, хоть и имел медицинское образование, в уходе за младенцами смыслил мало. А ведь на подходе были ещё двое.

Они обосновались в роскошном особняке, купленном специально к этому дню. Для ухода за детьми наняли шестерых профессиональных нянь — по две на каждого ребёнка, а также штат вспомогательного персонала, готового в любую минуту проконсультировать растерянных отцов.

Малыши были слишком малы для дальнего перелёта, поэтому семье предстояло задержаться в США, пока у детей не окрепнет иммунитет. Оформлять американское гражданство они не стали. И пускай законы США сулили новорождённым немало выгод, при нынешнем положении и состоянии Гоуданя такие мелочи его не волновали. Детей решено было везти на родину и прописывать дома.

— Вторая и третья суррогатные матери уже в палатах, ждут срока? — спросил Ван Сюань.

— Да, Аньлиньна отписалась, всё под контролем, — ответил Гоудань. — Здесь останется охрана

и няньки со штатным врачом, так что за старшим присмотрят. Как только из палаты пойдёт сигнал, сразу поедем туда.

В своё время они закупали процедуру ЭКО одновременно, эмбрионы прижились с разницей в считанные дни, так что и родиться малыши должны были один за другим.

Поначалу они думали завести двоих — по ребёнку на каждого, но прижились сразу три эмбриона. Когда Гоуданю позвонили из клиники с этой новостью, он, не раздумывая, решил: рожать будем всех.

— Старший-то на второй день глаза открыл, но почему он дрыхнет круглые сутки? Это нормально? Может, слабенький уродился? — донимал расспросами Гоудань.

— Да нет, новорождённые все такие, — успокаивал его Ван Сюань. — К тому же у нас тут дежурит педиатр и опытные патронажные сестры, так что всё под контролем.

Ван Сюань в последние недели усердно штудировал книги по уходу за младенцами и, в отличие от совершенно растерянного Гоуданя, хотя бы понимал указания американских врачей.

Новоиспечённые отцы буквально изнывали от нервного напряжения. Гоудань, который раньше спал мертвецким сном и пушечным выстрелом не разбудишь, теперь вздрагивал от малейшего шороха. Стоило младенцу пискнуть в соседней комнате, как оба подскакивали и бежали проверять, несмотря на дежуривших у колыбели нянек. Родительство давалось им непросто.

Следом, с разницей в день, родились второй и третий малыши — у каждого из тройняшек получился свой день рождения. Эмоции по-прежнему зашкаливали, но былого страха уже не было: отцы даже сумели скованно прижать крох к груди, прежде чем передать их няням.

Младших тоже оставили в госпитале на три дня для осмотра, а после с почестями привезли домой.

Итого их прибавление выглядело так:

Старший сын родился девятнадцатого мая в девять утра с весом три килограмма двести граммов.

Средняя дочь родилась двадцать второго мая в семь вечера — настоящая богатырша весом в четыре килограмма.

Младший сын появился на свет двадцать третьего мая в половине двенадцатого дня с весом три килограмма четыреста граммов.

Старший первенец оказался самым легковесным, но за счёт того, что вылез первым, его статус старшего брата был незыблем.

Местная прислуга, конечно, догадывалась, откуда у двух мужчин взялись трое младенцев, но за такие щедрые доллары все предпочитали помалкивать и добросовестно делать своё дело. Дураков лезть с расспросами среди нанятых профессионалов не нашлось.

Малыши были абсолютно здоровы. Когда их три люльки выстроили в ряд в просторной детской, зрелище получилось монументальное.

Бэйшэн все эти дни пребывал в полнейшем недоумении. Он только и видел, как старшие братья привозят домой одного младенца за другим, совершенно не понимая, что происходит. Засунув палец в рот, мальчик издали разглядывал выстроившиеся в ряд люльки со сморщенными «гусеницами» и суесящихся вокруг нянек. Подойти ближе он побаивался и лишь заворожённо следил за кормлением.

«Племянники...» — вертелось в его детской голове. И что это за звери такие?

Гоудань, сияя от гордости, не заметил его растерянности и весело хлопнул Бэйшэна по плечу:

— Ну что, парень, вырос в чине? Дядей стал, понимаешь? Рад? Хе-хе. Ты теперь у нас солидный человек, больше не самый младший в доме.

И то правда: Бэйшэн оканчивал последний семестр в детском саду, а с сентября шёл в первый класс. Солидный мужчина, первоклассник, какое уж тут «маленький».

— Но... они правда твои, старший брат? А где их мама?

Гоудань замялся, не зная, как растолковать малолетке их с Ван Сюанем отношения, а уж тем более появление детей из пробирки. Он лишь ласково взъерошил ему вихры:

— Самые что ни на есть родные, мелкий. Это наши с Ван Сюанем детки. Так что привыкай к новой роли, дядя Бэйшэн. Рад?

— Не знаю, — честно буркнул Бэйшэн. — А играть с ними можно? Они мои игрушки не отнимут?

— Конечно, будете играть, ты у них за главного будешь, — рассмеялся Гоудань. — Они пока совсем крохи, твои машинки им не нужны.

Бэйшэн сразу повеселел. Игрушки целы, играть разрешают, да ещё и верховодить можно. В его детской голове мгновенно созрел план: эти трое сморщенных кулей — его личные верные

слуги.

— Я буду у них вожаком, — авторитетно заявил Бэйшэн и выпятил грудь.

Гоудань, не поняв скрытого смысла, лишь усмехнулся:

— Ну конечно, ты ведь старше, тебе и карты в руки.

Довольный Бэйшэн важно прошествовал к люлькам, поднялся на цыпочках и принялся по очереди разглядывать спящих. Дежурившая рядом нянька напряглась и не спускала с него глаз, боясь, как бы малец сдуру не ткнул младенца. Но Бэйшэн, благодаря строгому воспитанию, уже избавился от прежних диких замашек. Он лишь аккуратно покрутил пальцем в воздухе над каждым свёртком, даже не пытаясь прикоснуться к детям.

— Чего они постоянно спят-то? — разочарованно протянул Бэйшэн.

Гоудань только руками развёл. Сам бы рад знать, почему младенцы спят по двадцать часов в сутки.

— Устали, наверное, пока рождались, — ляпнул Гоудань первое, что пришло в голову.

— Лентяи. Я вот столько не дрыхну, — насупился Бэйшэн. Такие ленивые слуги его решительно не устраивали.

— А давай ты пока пойдёшь прописи попишешь? А как проснутся — прибежишь играть.

Бэйшэн рассудил, что это дельное предложение. Толку от спящих кулей всё равно никакого. К тому же стоило ему топнуть ногой, как нянька испуганно махала руками и шипела «тсс!», требуя тишины. Слишком уж много мороки с этими новобранцами.

<http://bllate.org/book/19654/1996891>